

ности»). Иное дело, что иерархическая система Ареопагита во многом эстетизирована, но это ее свойство не вытекает из самого принципа подражательности.

Непонятно, почему В. В. Бычков оценивает как «духовно-правственный» критерий, которым руководствуются апологеты в своих трактовках прекрасного (Византийская эстетика, с. 117). Он сам отмечает, что единственно приемлемой для них является красота природная, естественная. А ведь для апологетов любой предмет или явление природы совершенны, как создания Творца, как объект творения. Поэтому критерий прекрасного у них не нравственный, а онтологический.

В. В. Бычков пишет, что свет выполняет в концепции Псевдо-Дионисия функцию прекрасного. В доказательство приводится текст, где говорится, что «осияние светом приводит к украшению неукрашенного». Но это значит, что свет не

тождествен по своей функции прекрасному, а творит прекрасное, или, точнее, является носителем свойств прекрасного, которое он способен передать нейтральному в эстетическом смысле объекту (что соответствует и рассуждениям автора о свете у Ареопагита).

Однако все перечисленные недочеты не могут изменить общего весьма положительного впечатления от работ В. В. Быčkova. Вклад В. В. Быčkova в развитие изучения истории эстетической мысли весьма велик, и очевидно, что впредь мимо его трудов не сможет пройти ни один исследователь раннесредневековой культуры. Его научные изыскания, безусловно, нуждаются в продолжении как в области христианской эстетики, так и в сфере исследования византийской эстетики в целом. В квалифицированном марксистском исследовании этой проблематики ощущается в настоящее время большая нужда.

З. В. Удальцова

Г. Е. Лебедева. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 168 с.

Рассматриваемая монография является, с одной стороны, известным итогом предшествующих разысканий автора в области социальной структуры «нижних этажей» ранневизантийского общественного здания, с другой — очень серьезной и успешно реализованной заявкой на комплексное исследование развития господствующего класса ранней Византии.

Сама Г. Е. Лебедева формулирует свою задачу как «изучение тех изменений, которые произошли в социальной структуре, развитии основных классов и социальных групп ранневизантийского общества в IV—V вв.» (с. 6). Таким образом, хронологические рамки исследования определены очень четко: они правомерны как с точки зрения социальной характеристики восточно-римского общества (чье развитие в их пределах составляет объективное единство), так и с точки зрения состояния изученности объекта (в марксистской историографии век Юстиниана исследован лучше; см., например, труды З. В. Удальцовой и Г. Л. Курбатова). Тем не менее, поскольку известно завершение развития исследуемых Г. Е. Лебедевой объектов приходится на VI в., она делает ряд ценных наблюдений и корректирует некоторые представления применительно к социальным реалиям II этого столетия.

Предмет исследования — именно основные восточноримские классы и социальные группы, рассматриваемые в аспекте разложения античных форм и связей. Такой подход правомерен. Во-первых, античные формы и связи для IV—V вв. легко уловимы в источниках. Во-вторых, попытку выявить «феодализацию» социальных групп данного периода уже нуждаются в корректировках как с точки зрения методики обработки более чем скудных на этот счет данных источников, так и из-за того, что именно глубокое

изучение разложения античных форм дает возможность лучше определить характеристику ранневизантийского общества (в том числе и выявить в нем элементы нового).

Инструментарий Г. Е. Лебедевой — ранневизантийское законодательство. Именно оно в общем виде отразило основные линии развития ведущих социальных групп IV—VI вв. Оно же, как подчеркивает автор, делает возможным более четкое определение социальной политики государства (особенно через анализ включенных в *Corpus juris civilis* старых законоположений). Безусловной заслугой исследовательницы является комплексный анализ *всех* законов, относящихся к объектам работы (хотя для сословий сенаторов и куриалов такая категоричность исключается). Причем автор методологически верно отмечает необходимость анализировать не только законы, отразившие изменения в положении социальных групп. В этом плане явно справедливо констатирована и неисчерпанность анализа терминологии законодательства.

При изучении социальной структуры неизбежно встает вопрос о соотношении описательно-иллюстративного и социолого-статистического методов. Избранный Г. Е. Лебедевой подход не имеет ничего общего с просопографическим, если под просопографией понимать конструирование «исторических портретов» изучаемых социальных групп, когда эти группы берутся в отрыве от социально-экономических характеристик общества, к которому они принадлежат. Законодательный материал ранней Византии пока вряд ли позволяет извлечь из него обобщенные статистические сведения, относящиеся к генеральной или к репрезентативной выборочной совокупности. Поэтому в работе Г. Е. Лебедевой количественный анализ играет второстепен-

ную роль; его выводы имеют в монографии в основном иллюстративное значение.

Наибольшее внимание в работе автор — в соответствии с методологическими положениями о решающей роли материального производства и народных масс в истории — уделяет трудящимся классам. Но то же целостное представление об историческом развитии социальной структуры неизбежно предполагает изучение господствующих классов — при соблюдении, однако, уже указанного методологически обоснованного соотношения. Поэтому конкретная проблема номер один в рецензируемой монографии — место и значение рабов в восточно-римской социальной сфере IV—V вв. Проблема имеет в исследовании три аспекта: роль рабского труда в производстве, отношение государства к рабству, распространенность рабовладения среди разных социальных групп. Все три аспекта плотно взаимопереплетены, и поэтому композиционно глава о рабстве разделена на две части: источники рабства и отражение законодательством рабовладения разных социальных групп и его эволюции. Безусловно, и на анализ законодательства распространяется правило, применимое к другим источникам при реконструкции развития социальных групп древности и средневековья, — предельная осторожность с количественными подсчетами. Г. Е. Лебедева акцентирует на этом внимание в отношении к изучению ранневизантийского рабства, но указанное правило вполне реализуемо и для других рассматриваемых в книге социальных слоев и групп.

Тем не менее хороший пример такого методического приема — рассмотрение Г. Е. Лебедевой взаимоотношения внутренних и внешних источников рабства IV—V вв. В частности, автор справедливо полагает, что при изучении использования рабского труда пленных следует не суммировать соответствующие факты, а выявить через законы того времени отношение общества к внешним источникам рабства. Безусловно, нельзя сводить только к кризису рабства возрастание значения внутренних его источников и сокращение внешних, так как нельзя переоценивать связь между падением стабильности вторых и экономической целесообразностью расширения первых. Г. Е. Лебедева убедительно показывает важность для восточноримского общества III—IV вв. внешних источников рабства (несмотря на их непостоянство; с. 19—21) и заинтересованность в них византийских рабовладельцев V—VI вв. (с. 38—47).

Источники рабства рассматриваются в книге по группам в соответствии со степенью их социальной значимости. В качестве показателя роста значения внутренних источников и сохранения рабства вообще прежде всего проанализировано расширение способов порабощения свободных граждан. Г. Е. Лебедева, констатируя большие масштабы данного явления в III в. и рост примирения с ним государства, показывает, что рубежом

в отношении государства к порабощению граждан был конец III—начало IV в. Очень важно замечание, что поощрение освобождения рабов не было нацелено против рабства, а служило для рабов стимулом к труду, средством замены старых рабов новыми, в результате чего старые рабы продолжали давать доход как вольноотпущенники (с. 24). О взглядах же общества на практику вольноотпущенничества говорит скорее отношение законодателей не к отпуску, а к порабощению, хотя линия на поощрение отпуска на волю в VI в. и явилась, по мнению автора, началом глубоких сдвигов в отношении к рабству. До Юстиниана была тенденция провести через рабство значительное число трудящихся (об этом, по Г. Е. Лебедевой, говорит и рабский статус детей рабыни, независимый от статуса отца). При Юстиниане произошел перелом (в частности, свободный статус детей рабыни, родившихся после ее освобождения), но естественный прирост рабов продолжал быть «главным и очень важным» источником рабства (с. 27).

Рассматривая официальное обращение свободных в рабство, автор отмечает не только возрастание значения этого источника для III—IV вв. (в связи с ростом социальных конфликтов и задолженности свободных), но и его непостоянство. Большее значение, по мнению исследовательницы, имела в III—IV вв. самопродажа в рабство и продажа свободными их детей (последняя — наиболее широко для IV—V вв.). При Юстиниане, как верно отмечено, это стало официально оформленной политикой, а не линией на свертывание рабства. О значимости рабства в экономике VI в., конечно, говорит и рост формально безвозмездной самоотдачи в рабство за пропитание и содержание (в обход юстинианова законодательства).

Тезис о реальном увеличении числа рабов за счет свободных подтверждается и законами о практике порабощения граждан, выкупленных из плена. Активная борьба государства против этой практики (начиная с конца III в.) явно отражает наличие категории «временных рабов», возмещавших нехватку рабочей силы в частных имениях.

Г. Е. Лебедева настаивает на необходимости оценки реальных тенденций правительственной политики по «смягчению» рабства как в отношении его укрепления на пекулии, так и в отношении размеров и направленности вольноотпущенничества. По ее мнению, до VI в. и при Юстиниане «вряд ли приходится говорить о ведущей инициативной роли в этом государства» (с. 37). Политика самого государства здесь была двойственна: статус вольноотпущенника, с одной стороны, эволюционирует до статуса свободного гражданина (в этом Г. Е. Лебедева согласна с Е. Э. Липшиц); с другой стороны, законы закрепили права господ на вольноотпущенников вплоть до возможности возвращения в рабство. Иначе говоря, речь идет об уступке, а не о «серьезном

решающем шаге» по утверждению «свободы» вольноотпущенников (с. 38).

Изучая внешние источники рабства, Г. Е. Лебедева прежде всего констатирует внимание законодателей IV в. к бегству рабов к варварам и большую значимость для IV—VI вв. войны как формы пополнения рабского контингента, нежели торговли. Затем большое внимание уделяется подчеркнутому еще раньше (с. 18) принципиальному вопросу об обращении военнопленных в колоннов, так как именно законодательство дает для соответствующих суждений основной материал. Г. Е. Лебедева доказывает превращение пленных в IV в. исключительно в рабов. Скрупулезный анализ знаменитого закона 409 г., запрещающего продавать в рабство пленных скиров, приводит ее к выводу о влиянии на этот запрет мотивов не устойчивых, экономических и социальных, а временных, военно-политических, связанных с конкретной ситуацией на Балканах. Так конструируется принципиальный тезис: стремление балканских рабовладельцев сохранить рабство дополнило вторжения варваров при создании кризисной обстановки. Сохранилась устойчивая тенденция обращать в рабство пленных и в войнах VI в. (здесь Г. Е. Лебедева подтверждает выводы В. Велкова и З. В. Удальцовой). Эта тенденция опиралась на внутреннюю потребность в рабах при Юстиниане. Другое дело, что, по мнению автора, для ее реализации сократились возможности. Впрочем, думается, тезис о возрастании в VI в. трудностей получения рабов извне (с. 44) нуждается в дополнительной аргументации. Что касается коммерческого импорта рабов, то автором доказывается как нерегулярность его функционирования, так и стабильная заинтересованность в нем Византии вплоть до VI в. включительно.

Таким образом, весьма фундированным выглядит вывод, что место тех или иных источников рабства в IV—VI вв. было неоднозначным, но в целом вес внутренних источников возрос (в том числе и вес порабощения свободных граждан). По мнению Г. Е. Лебедевой, это были важные показатели «усиливающегося кризиса и упадка рабства, разложения рабовладельческих отношений» (с. 47).

Приводимый в монографии материал показывает рост для IV в. утраты рабов мелкими землевладельцами, хотя государство пыталось препятствовать этому через дефесоры и запреты отбирать у крестьян рабов за долги. Можно согласиться, что сама многочисленность законов с упоминанием «рабовладельцев вообще» доказывает массовость рабовладения в Византии IV—V вв. среди различных социальных групп. Упадок же куриального рабовладения Г. Е. Лебедева относит к V в., а многочисленность законов о нем объясняет стремлением государства поддержать куриалов. Автор обращает внимание при характеристике куриального рабовладения на запреща-

ние куриалам продавать за долги сельских рабов, записанных в ценз, и на позволение продавать других рабов, имеющихся в имениях, городских рабов-слуг, рабов-ремесленников. Малочисленность законов о рабах крупных землевладельцев Г. Е. Лебедева объясняет мощью последних, пзбавляющей их от многих конфликтов. Законы эти оказываются специфичны: они в основном регулируют характер отношений (крупный землевладелец — мелкий или средний землевладелец — государство), а не права собственности. Очень важно наблюдение о широком использовании магнатами рабов как земледельцев, а также превосходный анализ законоположений, запрещающих магнатам сгон с земли колоннов-аборигенов (с очевидной заменой последних рабами). Представленный материал показывает использование в частном ремесле рабов-ремесленников (при разделении их на сельских и городских), причем законы четко выявляют наличие таких рабов у разных категорий горожан (апелляция законодателя *ad populum*). Выявлена категория состоятельных плебеев-рабовладельцев, а также рабовладение торгово-ремесленных групп вообще.

Очень важно проведенное Г. Е. Лебедевой исследование эволюции категорий рабов, принадлежавших городской общине. По формам функционирования среди этой категории выявляются рабы, занятые в муниципальных имениях, солидная группа рабов — муниципальных служащих, «доходные» рабы-ремесленники. Показано, что в IV—V вв. государство определенно защищало сохранившуюся городскую собственность на рабов; переход же муниципальных имуществ в руки государства (ярко — в первой половине IV в.), по мнению автора, надо оценивать не через противопоставление государственного и городского производства, а через генетическую связь и преемственность первого со вторым. Таким образом, государственное рабовладение может оцениваться «как своего рода трансформированное муниципальное наследие городского рабовладения» (с. 65). В результате вырисовывается интересная картина наличия солидного веса рабского труда в муниципальной сфере до конца V в. и в государственных мастерских до Юстиниана включительно (в отношении последних данные весьма репрезентативны). В результате Г. Е. Лебедева четко выделяет два этапа упадка собственности полисов на рабов в IV—V вв.: первый этап приходится на IV в. и связан с конфискацией муниципальных имуществ (хотя отошедшие государству рабы по-прежнему эксплуатируются через муниципальную организацию), второй — на V в. и связан с обеднением городской общины, чьи рабы отходят частным лицам и корпорациям. Канун VI в. — рубеж «глубокого и реально значимого упадка коллективного античного полисного рабовладения» (с. 67).

Главный вывод Г. Е. Лебедевой об эволюции рабства IV—VI вв. заключа-

ется в констатировании большого реального значения этого института — при отсутствии у государства тенденции к его «изживанию». Вывод этот представляется глубоко аргументированным.

Значительное место в монографии по справедливости уделено колонату. Рассмотрев основные точки зрения, связанные с характеристикой этого института в ранней Византии, Г. Е. Лебедева разделяет мнение большинства советских историков, считая колонат позднеантичной формой зависимости. В этой связи совершенно правомерна апелляция к наблюдениям Г. Г. Литаврина, касающимся признаков и специфики колоната (особенно государственного принуждения и прикрепления колонов к земле, в результате которых личная зависимость колона от землевладельца не закреплялась и прямой путь трансформации колоната в феодальную зависимость был открыт). Задача автора — дальнейшее изучение эволюции колоната по законодательству IV—V вв. и в этой связи — осуществление ряда наблюдений над характером колоната VI в. Один из узловых вопросов в этой задаче — выявить удельный вес влияния на эволюцию колоната, с одной стороны, землевладельца, с другой — государства. В решении данного вопроса Г. Е. Лебедева в известной мере исходит из характера личной правоспособности колонов, двойственности их положения. Принципиальным, на наш взгляд, является наблюдение, касающееся известного единства для государства зависимых и свободных земледельцев как налогоплательщиков (отсюда отсутствие полярного отделения первых от вторых), т. е. непосредственной связи государства со всеми категориями колонов (с. 73). Заслуживает внимания стремление автора учесть интерполяцию терминов V—VI вв. (когда завершается их унификация) в законодательство IV—первой половины V в. для выявления черт «ранних» категорий колонов. Это позволяет исследовательнице, учитывая разнородность предшественников, дать основные параметры таких категорий, как инквилиты, трибутарии, *originales* и оригинарии. Думается, наибольший интерес здесь представляет констатация складывания во второй половине IV в. *originarii coloni* из *originales* и *originarii (servi)*.

Основное внимание в главе, естественно, уделяется самым значимым в изучаемый период категориям — энапографам-адскрипциям и «свободным колонам». Г. Е. Лебедеву не интересует реальная характеристика адскрипции, его основное положение (такие исследования в целом выполнены); ее правомерно занимает иное — эволюция терминов, связанных с адскрипциями в законодательстве, что позволяет скорректировать представления о генезисе и социальном характере «приписных». В результате последние убедительно определяются как типично позднеантичная категория, сформировавшаяся во второй половине V в. как наименее правоспособный слой колонов, чей статус определяется не договором,

а записью в ценз (т. е. государственным прикреплением к земле).

Правда, в характеристике генезиса адскрипции автор, думается, допускает известное противоречие. С одной стороны, довольно убедительной выглядит гипотеза о «начале происхождения» «приписных» от *coloni originarii*, с другой — высказывается мысль о взгляде государства на адскрипцию как на «частично трансформировавшуюся группу свободного населения, до конца не утратившую части своей прежней личной правоспособности» (ср. с. 78, 79, 80). Это противоречие тем более досадно, что автор очень хорошо улавливает отношение личной зависимости между землевладельцами и энапографами с обсекуа в V в. и в этом плане анализирует законодательство Анастасия. Думается, Г. Е. Лебедева права, считая, что если приравнивание при Анастасии имущественно адскрипции к пекулии, а также уничтожение договорных отношений между господином и колоном и приближало положение последнего к рабскому, то превращением колонов в «приписных» государство исключало для них возможность изгнания с земли и, следовательно, гарантировало продолжение хозяйственного существования, хотя и на более низком уровне и в ином личном положении (с. 81—82). Само же по себе прикрепление к земле адскрипции к рабам, естественно, не приближало. Юстиниан четко противопоставлял их рабам, стремясь превратить в замкнутую категорию, — в условиях, когда реальное положение, грозя разрушить статус адскрипции, сближало их с рабами. Это дает Г. Е. Лебедеву серьезное основание охарактеризовать политику императора в отношении энапографов как позднеантичную.

Интереснейший раздел главы о колонате касается *coloni liberi*. Складывание данной категории Г. Е. Лебедева относит к середине V в. (до этого времени реальное и статусное положение колонов трудно выяснимо из-за частого смешения в законах их категорий). Если в IV в. на положение «свободных колонов» могли, по мнению исследовательницы, повлиять колонаты-оригинарии, то потом определяющую роль сыграл приток в сферу колоната свободных земледельцев (с. 89, 102)¹. Трудности определения реального и статусного положения *coloni liberi* заставляют Г. Е. Лебедеву внимательно рассмотреть политику государства в отношении этой категории (в частности, определить сущность «рабства земле» и характер брачных отношений «свободных колонов»). Автор прав, анализируя прикрепление *coloni liberi* в рамках «всеобщего» прикрепления к занятиям населения империи в IV в. Показателен

¹ Ср. недоверие к данным законодательства о *coloni liberi* П. Лемерля: *Lemerle P. The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century. The Sources and Problems.* Galway, 1979, p. 22.

в данном плане находящийся в распоряжении исследовательницы материал о тяжбах колонов с господами (по поводу прав собственности на землю и платежей): ясно видно стремление государства ограничить личную власть господ над колонами, чтобы обеспечить владение последних своим хозяйством как платежеспособных лиц.

Рассматривая итоги эволюции колоната к рубежу III—IV вв., Г. Е. Лебедева в противоположность Е. М. Штаерман указывает на относительное подчинение землевладельцам лишь *originales* и *оригинариев* (ср. с. 75—77, 96), в то время как адскрипции, по ее мнению, сохранили договорные отношения с господами даже в VI в., а их *obsequium* (как раз и отражавший степень личной зависимости) в противоположность стараниям магнатов серьезно не развился, так как государство его ограничивало. В этой связи интересен закон 332 г., который автор верно интерпретирует не как стимул к обращению беглых колонов в рабов, а скорее как обозначение резкой грани между рабами и колонами. Аргументация тезиса об обеспечении государством прежде всего своих интересов, а не интересов «колоновладельцев», содержится и в констатировании двух линий отношения правительства — с одной стороны, к императорским колонам (прикрепление к земле, обязанностям с сохранением частной, личноправовой и имущественной правоспособности), с другой — к «частным» колонам (возвращение их не господину, а «земле», участку, т. е. к обязанностям перед государством). Аналогично объясняются законы, запрещающие продажи имений без колонов; по мнению автора, они связаны с увеличением числа *coloni liberi*. Сама личная зависимость колона от землевладельца, безусловно, оформлялась патронатом, при котором главным была привязка колона опять-таки более к земле, чем к господину (отсюда термин *possessio* в отношении участка колона). В данном ключе Г. Е. Лебедева выступает против толкования законов «О палестинских...» и «О фракийских колонах» как якобы подтверждающих прикрепление колонов к господину. По ее мнению, правительство утверждало лишь принудительный характер арендных отношений (при ослаблении договорных обязательств между колоном и господином). Усиление во второй половине V в. зависимости колонов от господ выражало лишь ограничение собственности первых в пользу вторых. В аналогичном ключе показано сходство положения колонов с другими категориями свободного населения (и соответственно отличие от рабского) в брачно-правовых отношениях.

Следует обязательно отметить стремление Г. Е. Лебедевой по возможности шире показать параметры, отличающие византийские категории колоната от западноримских.

Такой же прием применяется автором при анализе законоположений, касаю-

щихся *ordo plebeiorum*. Совершенно верно, что именно многочисленность в Византии мелкого свободного населения определяет сложность проблемы социального развития плебса. Г. Е. Лебедева следует за Г. Л. Курбатовым, отмечая слабость тенденции ранневизантийского плебса к люмпенпролетаризации, и соглашается с исследователями, сомневающимися, что деление на *honestiores* и *humiliores* стало «уже в VI в.» (?) социально основным в противоположность делению на рабов и свободных (см. с. 113).

Представленный материал убеждает: неправомерно чрезмерно сближать социальное положение низших групп плебса с рабским и колонатным, учитывая реальные политические права плебеев, огромное хозяйственное значение плебса в обществе. Это сближение, конечно, имело место, но притормаживалось социальными и политическими традициями античности. В анализе эволюции плебса Г. Е. Лебедева опять возвращается к культивирующей эти традиции государственной политике в отношении данного сословия, фактически охватывавшего большинство (а не *всех*, как на с. 120 — явная ошибка) лично свободных граждан. В IV в. в условиях ухудшения социального статуса и реального положения нижней прослойки плебса часть *plebs rustica* переходит в колонат, а в городе (где переход в лично зависимое состояние затруднялся), не снимая тенденции к люмпенпролетаризации, растет малоимущий трудовой слой (с. 121). Материал законодательства убедительно свидетельствует о стремлении государства вести линию на сохранение плебса как производительного податного населения.

При этом, по мнению автора, например, клеймение монетариев вызывалось не столько их «приближением» к рабам, «сколько государственным интересами», а зажиточность (если не привилегированность) государственных ремесленников привлекала к себе стремившихся выйти из своего сословия куриалов. Данные законодательства позволяют Г. Е. Лебедевой обрисовать известную социальную стратификацию *plebs urbana* IV—V вв. (включая очень важный слой состоятельных землевладельцев, способных в IV в. подкрепить собой сословие куриалов и даже оказаться среди сенаторов). Несмотря на известную толщину социального пласта верхушки плебса, укрепление ее торгово-ростовщической части в V—VI вв., по справедливому мнению автора, переоценивать вертикальную мобильность в социальной сфере того периода нельзя. Защита правительством интересов плебса в целом, известная гарантия его античных привилегий не противоречила заторможенности перехода его верхушки в высшие сословия, а для массы низших категорий — ухудшения экономического положения к началу VI в., оразившего нарушение определенной стабильности социального статуса плебса.

Примерно к тому же периоду относится нарушение стабильности положения со-

словия куриалов. Исследование Г. Е. Лебедевой подтверждает наблюдения над эволюцией этого сословия, проведенные Г. Л. Курбатовым. Исследовательница выступает против преувеличения тягот куриалов в IV—V вв., особенно подчеркиваемых западными учеными. Многочисленность сословия куриалов на востоке Римской империи, усиливаемая солидным слоем свободного населения городской округи, его широкий имущественный диапазон облегчали государству сбережение социального престижа куриалов. Здесь Г. Е. Лебедева справедливо поддерживает Г. Л. Курбатова в акценте не столько на обязанностях, сколько на возможностях куриалов IV—VI вв. Быстрый упадок курий в Египте, считает автор, специфика этого региона. В целом же по Византии картина эволюции сословия иная. Если говорить о динамике эволюции сословия, то, по мысли исследовательницы, в IV в. куриалы активно идут на государственную и военную службу, меньше — в клир. Во второй половине IV—начале V в. (при ограничениях выхода из сословия) усиливается стремление к гражданской службе, к клиру. Для 70—80-х годов IV в. автор фиксирует начало более широкого движения из сословия, связанное с *переломом* (курсив наш. — А. К.) в имущественном положении куриалов, реальным объединением их массы и интенсификацией формирования куриальной верхушки. С конца IV в. курии получают «вливание» со стороны имущей верхушки плебса. В результате речь, по мнению Г. Е. Лебедевой, для конца IV—V в. должна идти не об абстрактном «обеднении» куриалов, а о «перераспределении» в их среде имущественного положения, когда реальный потенциал «средней» и менее имущей части сословия сблизился с потенциалом верхушки плебса, а *principales* сблизались с низшими разрядами провинциальных сенаторов (с. 141—144). В связи с этими наблюдениями примечательна характеристика «куриальной политики» Анастасия и Юстиниана. Попытки, с одной стороны, поддерживать престиж сословия, а с другой — уступки его размыванию привели к реформе курий при Анастасии, который, пытаясь «преодолеть радикально и несколько преждевременно» внутреннее разложение сословия (с. 144—145, 147), фактически подорвал его. Юстиниан же, видя тяжелое положение курий, довел до предела ограничение прав их членов, закрыл основные пути выхода куриалов из сословия, пытаясь его возродить, и — «запоздал» в этом. Но одним из итогов такого разложения, как четко подметила Г. Е. Лебедева, явилось принципиально важное для ранневизантийского господствующего класса слияние *principales* в «достаточно единый слой с крупными землевладельцами-нобиями» (с. 148). Под последними, скорее всего, понимаются представители сенаторского сословия.

Указав на основные мнения ученых по поводу социальной характеристики

позднеримской знати, Г. Е. Лебедева в целом соглашается с теми, кто отрицает глубокую феодализацию господствующего класса Византии IV—VI вв. (если какие-то четкие параметры феодализации для этой эпохи вообще можно выявить). В главе о сенаторской знати для автора главное — уточнить процесс сложения этого сословия, источники его формирования (с. 151). при условии разграничения самого процесса формирования (приходящегося, по мнению Г. Е. Лебедевой, на IV—V вв.) и процесса «последующего развития» сословия. Для формирования сословия, считает автор, нельзя преувеличивать значение государственной службы в IV в. (став сенаторами, крупными провинциальными землевладельцами, нобиями утрачивали интерес к «службе»). Это, видимо, новая имперская аристократия (здесь Г. Е. Лебедева продолжает соответствующую мысль Ж. Дагрона), «более сплоченная вокруг центральной власти», аристократия, для которой служба лишь средство, но не цель. Исследовательница кратко, но последовательно намечает источники складывания в Византии сенаторского сословия, которого здесь не было до конца IV в.: небольшое количество «старых», «римских» сенаторов, выходцы из провинциально-муниципальной элиты и из чиновничества. Специфика притока в сословие лиц из указанных социальных слоев рассматривается по отдельности (например, возможности обретения сенаторского достоинства куриалами, серьезно колеблющиеся до второй половины V в.). В целом констатируется возможность проникновения в ряды сенаторов для широкой категории состоятельных людей. Реально наследственное сенаторское сословие в течение IV—начала V в., по мнению автора, в Византии «складывается как сословие крупноземлевладельческой знати, хотя и значительно менее крупной, чем сенаторская аристократия Запада, но зато более многочисленной и устойчивой, стабильной, поскольку наследовались земли сенаторов и отчасти их достоинство» (с. 159). Процесс инсталляции сенаторов в провинциях, по Г. Е. Лебедевой, отражал их консолидацию «как класса богатых местных землевладельцев». Это, возможно, и так, но, думается, тезис об их «абсолютном доминировании в аграрных отношениях» V в. (с. 161) нуждается в дополнительной аргументации (учитывая неравномерность «аристократизации» земельных массивов провинций в политико-географическом и хронологическом разрезах). Тем не менее следует согласиться, что каких-то устойчивых групп в аристократии Византии IV—VI вв. могло и не быть: «проектируются преимущественно лишь ситуационные и мелкие групповые различия» (с. 162); приток же в сенаторские ряды *principales* сплачивал сословие вокруг императорской власти, прикреплял его к госаппарату. Поэтому заслуживает внимания и тезис, характеризующий борьбу между правительством и аристократией

как борьбу за «доходы» (в связи с сокращением последних в условиях кризиса позднеантичного общества). Борьбы с «феодализацией» знати здесь действительно не видно. Более того, вероятно, именно показанная Г. Е. Лебедевой «межсословная» сплоченность господствующего класса вокруг автократии наряду с прочим позволила ему попытаться в VI в. упрочить свой «крупноземлевладельческий базис» в международном масштабе. Добавим, что, видимо, этот фактор, укрепив на время позиции позднеаравладельческой знати, сделал ее способной в ряде случаев мобилизовать на поддержку своих великодержавных планов довольно широкие слои средних и мелких собственников.

Таким образом, общие выводы Г. Е. Лебедевой относительно характера эволюции основных ранневизантийских сословий и ее итогов к началу VI в. представляются правомерными. Общество Византии IV—V вв., видимо, можно определить как «устойчиво позднеантичное» (с. 165), а его классы — как классы Римской империи, претерпевшие трансформацию — пусть и глубокую, но все же частичную.

Досадно, что объем книги не позволил автору с достаточными подробностями и скрупулезностью подтвердить на материале законодательства очень важные и зачастую оригинальные наблюдения над эволюцией плебса, куриалов и сенаторов, т. е. так же, как это сделано в главах о рабах и колонах (даже число страниц, посвященных указанным сословиям, очень неравномерно — соответственно 21, 19, 15, 58, 40). Поэтому, например, много тезисов относительно эволюции куриалов и сенаторов базируется на материале новейших исследований (с минимумом источниковедческого анализа). Если в отношении куриалов этот недостаток снимается апелляциями автора к блестящим исследованиям Г. Л. Курбатова, то анализ истории сенаторского сословия безусловно ждет от Г. Е. Лебедевой своего углубления.

Отметим также, что, несмотря на стремление автора обрисовать четкую структуру социальной и сословной субординации эксплуатируемых и эксплуататорских групп ранней Византии, в книге нет попытки определения, например, господствующего класса, хотя материал и уровень исследования позволили бы это сделать. Между тем монография показывает, что явно назрела необходимость не только выявить соотношение категорий «господствующие классы» и «эксплуататорские классы» применительно к ранней Византии (и поздней Римской империи вообще), но и поставить вопрос о критериях выделения фракций эксплуататорских групп, осуществлявших в империи реальное экономическое и политическое господство. Убедительные и отчасти новаторские методы, с помощью которых Г. Е. Лебедева провела свой социальный анализ, позволили ей в целом дать довольно полную картину общественного развития ранней Византии во всей его динамике. В книге определено место рассматриваемых социальных групп в обществе (в основном в качественном, менее — естественно — в количественном отношении). Ретроспективно и перспективно исследована социальная динамика эксплуатируемых и эксплуататорских групп. Другое дело, что работа, к сожалению, не предусматривала определение этой динамики в рамках существовавших в Византии укладов и в сравнении по принадлежности к этим укладам.

Монография Г. Е. Лебедевой доказывает огромные возможности анализа ранневизантийского законодательства для понимания развития социальной сферы восточно-средиземноморского региона IV—VI вв., возможности, во многом реализованные автором. В этом заключается крупный вклад ленинградской исследовательницы в советскую медиевистику.

А. С. Козлов

Geographica Byzantina/Sous la direction d'H. Arweiler. P., 1981. 139 p.

Историческая география Византии, несмотря на давние традиции, существовавшие в бельгийской и французской византийстике, лишь в последние десятилетия переживает свой подъем. То внимание, которое уделяется сейчас этой вспомогательной дисциплине, обусловлено прежде всего недостатком вспомогательных средств, необходимых для успешной работы во всех областях византистики¹.

Большая заслуга здесь принадлежит Международной комиссии по исторической географии, которую возглавляет Э. Арвейлер. На первом ее заседании в Афинах в декабре 1974 г. были определены основные перспективные на-

правления развития исторической географии Византии, которые наряду с составлением инструментов работы (прежде всего атласов и словарей) предусматривали бы исследования в области политической географии, изучения топонимики и ландшафтов, этнического состава и его динамики².

За прошедшие с этого времени годы проделано немало. Прежде всего следует отметить монументальную работу, принятую Институтом византийских исследований Венской академии по подготовке издания *Tabula Imperii Byzantini*, три первых тома которой, охватывающие районы Фессалии, Каппадокии,

¹ Koder J. Die byzantinische Geschichtsquellen und ihre Auswertung in der Forschung. — JÖB, 1981, 31, I, S. 88.

² Bulletin d'Information et de Coordination, 8. Athènes; Paris, 1975—1976, p. 16.